

Глава 1

Телефон звонил так долго и настойчиво, что девушка наконец открыла глаза. До нее постепенно дошло, что звонки повторяются почти две минуты. «Кому я нужна?» Девушка села в постели и зажала ладонями виски. Она не выпалась и чувствовала — алкоголь не успел выветриться. Когда она шла к телефону, ее заметно пошатывало.

— Татьяна?! — гневно захлебнулся знакомый голос в трубке. — Может, хватит так пугать?

— Кого? — Девушка оперлась плечом о стену и уставилась в окно. За окном — солнечный день, бешено раскачивается верхушка тополя. На улице ветрено, но в ее квартире — сонная тишина, неподвижный прокуренный воздух.

— Я тебе чуть «скорую» не вызвала, — уже более хладнокровно сообщила подруга. — Думала, ты без сознания. Я же знаю, ты дома сидишь! У тебя что — все сбережения в долларах?

Таня недоуменно подняла бровь. Обсуждать такие темы по телефону... «Ксения явно сдурела, что это с ней? Сама же понимает, об этом не говорят...» Но та настойчиво твердила свое, и постепенно Таня поняла — что-то случилось за те дни, которые она провела взаперти, в постели, в полупьяном состоянии. Она перебила подругу:

— Погоди, неужели доллары отменили?!

АННА МАЛЫШЕВА

— Да если бы! С луны ты свалилась? — разъяренно выкрикнула подруга. — В нашем универмаге уже никакого порошка нет, а доллар сегодня стоит семнадцать рублей! Ты что — всем уже запаслась?! Или курить бросила?! Твои сигареты тридцать рублей пачка стоят! Клуша! Я в Тушино еду за колготками, хочешь со мной?

Таня попросила дать ей время, чтобы опомниться, и положила трубку. Она не совсем поверила подруге, та явно что-то преувеличила. Девушка чувствовала себя так, будто ее оглушили. Оглушили вторично за последнюю неделю. Но этот удар был ничтожен по сравнению с первым... И все-таки он что-то сдвинул с места.

Впервые за неделю она подошла к балконной двери и открыла ее. Все последние дни дверь оставалась закрытой. Таня боялась, что в один из моментов не выдержит и шагнет через перила. Удержать ее было некому — она жила одна. И вот теперь, забыв об этом страхе, она бессознательно вышла на балкон, вдохнула свежий воздух... Внизу, на асфальте перед подъездом, она увидела маленькую карусель из желтых листьев, пляшущих на ветру. И это как-то укололо ее. Из жизни полностью выпала неделя. За это время пришла осень. И еще что-то случилось в стране, но все же главной новостью пока была осень.

Таня стояла, опершись на перила, и смотрела вниз. Она была в легкой маечке, и ветер прохватывал ее насквозь. И все-таки — как это иной раз приятно — замерзнуть! Хотя как-то ощутить, что жизнь продолжается! Она стояла на балконе долго, пока совсем не окоченела. А когда вернулась в комнату, там снова надрылся телефон. На этот раз звонок был междугородний. Звонила мать из Калининграда. И, поговорив с ней несколько минут, Таня поняла — Ксения вовсе не шутила. Мать намеками выясняла, сколько у дочери наличности в дол-

ВКУС УБИЙСТВА

ларах, сколько — в рублях и сколько — в банке. Прямым текстом сообщила только, что цены катастрофические. А когда мать поняла, что дочь ни сном ни духом не ведаёт о том, что творится, то почему-то тоже пришла в ярость, как и Ксения. Видно, люди воспринимали подобное равнодушие как преступление.

— Включи телевизор! — закричала мать. — Я с ней разговариваю, как с нормальной, а она только «как» да «чего»! Рубль обвалился!

Через час Таня уже более ясно представляла себе ситуацию. Она напряженно сидела перед включенным телевизором, отпивала кофе, затягивалась сигаретой и просто физически ощущала, как эти продукты дорожают у нее в руках. И только когда новости закончились и пошла реклама, Таня представила свое положение до конца. По сравнению с теми гражданами, которые мелькали на экране, она пострадала незначительно. Кроме небольшого рублевого счета в Сбербанке, муж оставил ей три с половиной тысячи долларов. Эти деньги она не успела положить в банк. В последний раз она видела их в «стенке», в ящике с медикаментами. Таня встала и выдвинула ящик, достала оттуда белый конверт, заглянула туда... Деньги оказались на месте. Впору было обрадоваться, но она почему-то не обрадовалась. Горло снова сжимали знакомые спазмы, как перед рыданиями. Но слез больше не было — она, похоже, выплакала их без остатка.

Таня покопалась в своем кошельке. Неделю назад на те деньги, которые она там нашла, можно было купить приличные демисезонные сапоги. А теперь? Пять пачек стирального порошка? И то — если повезет? Она попыталась осознать этот дикий факт, но осознание как-то не приходило. Пока Таня понимала только одно — она безнадежно одичала, отстала от жизни за эти дни, проведенные взаперти. И понимала еще, что боль куда-то

отступила. Наверное, ненадолго, и сегодня же вечером она снова забьется в угол постели, зароется в подушку и будет плакать теми слезами, которые ничего не в силах облегчить. Но пока ей не плачется. Впервые за эти дни.

Она прошла в ванную и включила свет. Из зеркала на нее взглянуло бледное, сонное, такое знакомое лицо. Сонным оно казалось потому, что глаза за эти дни опухли от слез. Таня включила холодную воду, нагнулась над умывальником и, сжав зубы, несколько раз облила лицо из горсти. Когда она взглянула в зеркало опять, глаза открылись пошире, а на щеках появился намек на прежний арбузный румянец. И тогда она сорвала майку, стянула трусики и храбро встала под холодный душ.

Через час Таня вышла из подъезда. Она нарядилась сильнее обыкновенного, надела красный свитер и короткую юбку. Юбка на ней болталась — все эти дни она ела мало и через силу. Зато теперь ее выгнал из дома банальный голод — в холодильнике было пусто, не осталось ни куска хлеба, ни капли молока. Кончались сигареты, и обнаружилось, что под ванной красуется почти пустая пачка порошка. Таня пересекла двор, бросила взгляд на машины, которые были припаркованы у бордюра, привычно запустила руку в сумку, за ключами. И остановилась. Ни машины, ни ключей от машины у нее больше не было. Как не было и многого другого. И к этому тоже надо было привыкать заново. Она отправилась в поход по окрестным магазинам и сразу ощутила себя, как в туристической поездке. Все казалось новым, незнакомым — и взвинченные цены, и очереди, и опустевшие прилавки хозяйственных отделов, и толпа, которая запрудила улицы в такое странное время — в три часа дня. «Господи, что же тогда творится в час пик?! — думала она, продираясь к дверям булочной. — Или всех уже с работы повыгоняли, вот они и бегают?!»

ВКУС УБИЙСТВА

С Ксенией она столкнулась через час. К тому времени Таня, совершенно ошалев, стояла возле закрытого коммерческого киоска, где прежде торговали аудиоаппаратурой, и курила. В толпе мелькнула знакомая прическа — выкрашенные в черный цвет кудри, по-испански заколотые гребнем из поддельной черепахи. Девушка оглянулась на нее и стала пробиваться к киоску. В руке у нее болтался раздутый пакет, судя по виду, не слишком тяжелый. Подруги расцеловались.

— Как успехи? — нервно спросила Ксения. — Не знаю, может, я глупость сделала, но купила сто пар. Наши, тушинские. Говорят, колготок совсем не будет. Смотри, что на улицах творится! Все сметают! Что потом жрать будут?!

— Не может быть, чтобы даже такие колготки совсем пропали, — не поверила Таня.

Вид у подруги был загадочный и в то же время взмыленный. Она явно ощущала какое-то нездоровое удовольствие от всего, что творилось вокруг. Шепотом сообщила, что рублей у нее почти не осталось, — все уже вложено в продукты и прочие материальные ценности. А как обстоят дела у Тани?

— Да в общем, рублей тоже уже нет. — Таня заглянула в сумку. В основном она купила кофе и сигареты — сюда и ушли все деньги. Остальное потратила на несколько кусков мыла, здоровенную курицу и две бутылки минеральной воды.

— Доллары есть? — лихорадочно спросила Ксения, простреливая взглядом толпу. — Есть? Тогда приברי их подальше. Говорят, сейчас такое начнется! Будут квартирные грабежи! Натуральные налеты, вооруженные банды! А ты же теперь одна живешь, вообще страшно... Ой, прости!

Но Таня как будто пропустила ее последние слова мимо ушей. На самом деле они ее больно заделали, но

АННА МАЛЫШЕВА

внешне это ни в чем не проявилось. Она выбросила окурок и подхватила сумку:

— Ты домой?

Подруги жили в одном подъезде. По дороге Ксения напряженно о чем-то думала и то и дело посматривала на часы. Потом, уже в лифте, конспиративным шепотом позвала Таню в гости, «кое на что взглянуть». Та согласилась — хотелось хоть как-то оттянуть момент, когда придется вернуться в свою опустевшую квартиру. И только когда подруга заперла за собой дверь, Таня узнала, откуда такая загадочность. Ксения утащила подругу на кухню, усадила ее за стол и зашептала:

— Понимаешь, сейчас доллар резко растет. Но Алеша говорит, что потом он будет так же резко падать. Если у тебя есть доллары, то соображай сама, какие дела можно делать?

— Какие? — Таня была совсем не расположена обсуждать подобные темы. Какое ей в сущности дело, как сильно вырастет или упадет доллар? В ближайшее время она с голоду не умрет, а потом... Потом — что Бог даст. Но Ксенией владели совсем другие настроения. Она была лихорадочно возбуждена и вся горела, когда шептала:

— Сегодня обменные пункты закрыты, долларов в продаже нет. Зато «жучкам» легко можно продать, скажем, по пятнадцать рублей. Продашь сто баксов, а через неделю курс упадет так, что ты на эти деньги купишь уже сто пятьдесят долларов, а то и двести. Сечешь?! Тут главное — вовремя втиснуться, потому что доллар будет прыгать вверх-вниз еще много раз.

Таня жалко улыбнулась:

— Мне не до этого...

— Слушай, но ведь надо как-то жить! — возмущенно воскликнула Ксения. — Ты на себя посмотри — так же

ВКУС УБИЙСТВА

нельзя! От тебя один скелет остался! Я все понимаю — кризис, да еще муж умер, но так все равно нельзя!

Таня дернулась — висок прострелила резкая боль. Ксения нагнулась к ней и порывисто сжала ее за плечи:

— Извини... Я совсем озверела с этим кризисом. Мне уж кажется, это было давно. Почему ты живешь одна? Твои родственники что — совсем сдурели? Хоть первое время могли с тобой побыть...

Таня отвела ее настойчивые руки и встала:

— Голова болит. Знаешь, я пойду к себе.

Ксения еще что-то говорила ей вслед, но Таня больше не слушала. Подхватила сумку, подождала, пока ей откроют дверь и поднялась к себе на восьмой этаж. Сжав зубы, боролась с замками — первым, вторым, третьим... Руки дрожали и ключи скользили мимо скважин. Едва оказавшись в собственной прихожей, Таня швырнула сумку в угол и обхватила синий мужской плащ, все еще висевший на вешалке. Через секунду она услышала свой вой — тонкий и жуткий. А потом брызнули слезы.

Эта квартира была полна призраков. До сих пор казалось, что здесь живут двое. В прихожей висел его плащ, стоял запылившийся ряд чистенных и нечищенных ботинок. В шкафу на плечиках мирно покоились его пиджаки и брюки, на полках — стопки рубашек и свитеров. Но самое страшное было в ванной. Таня до сих пор не могла решиться даже на то, чтобы убрать с полочки его бритву, крем для бритья, помазок... Иногда в голову приходила дикая мысль — если все оставить, как было, то он вернется... Если проявить упорство, то в мире обязательно что-то изменится. Может случиться невозможное — и однажды она проснется оттого, что в ванной шумит душ. Потом она встанет, накинёт свой красный халат, тихо пройдет по коридору, постучится в дверь ванной... Откроет ее, войдет. Увидит, как он

бреется, внимательно рассматривая свое лицо в зеркале. Она сядет на край ванны и скажет, что он опять залил весь пол. Таня специально скажет что-то совсем будничное и даже неприятное, чтобы не спугнуть его. Он сполоснет бритву, отложит ее, потом причешет на косо́й пробор темно-русые волосы. Причесывается он так тщательно, будто от этого зависит чья-то жизнь. Потом скажет своим низким мурлыкающим голосом, что времени завтракать нет, он только выпьет кофе. Она увидит в зеркале его глаза, его улыбку. И все будет, как прежде. Как было пять лет подряд, пока не раздался телефонный звонок, после которого она несколько минут лежала в обмороке, а когда очнулась, мир превратился из цветного в черно-белый.

«Надо убрать отсюда плащ, — подумала, с трудом проглатывая слезы. — Я сойду с ума. Здесь везде его вещи. Надо собрать все и отдать кому-нибудь. Ну, хотя бы его брату. Или родителям. Или бедным». Она сняла с вешалки плащ, но вместо того, чтобы сунуть его в шкаф, прижала к груди. Так, с плащом в обнимку, она прошла в комнату, улеглась на постель и закрыла глаза. Снова, в который раз, ей казалось, что она умирает. И в то же время она знала — это далеко еще не смерть. А что такое смерть? Смерть — это нечто черное, съежившееся, пахнущее гарью. То, что ей показали, отогнув какую-то клеенку, отчего она стала биться и орать, пока не получила укол и не уснула глубоким дурным сном. Смерть — это когда незнакомый голос по телефону сообщает, что ей надо приехать на дачу и опознать тело мужа, и она смеется в ответ и спрашивает, с ума все сошли, что ли, потому что он уехал из дома час назад, а на прощание поцеловал ее, и в это время она как раз гладила его рубашки... Смерть — это похороны, на которых она не смогла держать себя в руках и вешалась всем на шею,

ВКУС УБИЙСТВА

и требовала сочувствия, сейчас же, немедленно... Это пустые бутылки, которые выстроились на полу в кухне. Это ощущение, что весь мир стал чужим. Смерть — это всего-навсего отсутствие одного человека. Того самого, без которого жить нельзя.

— Господи, как я тебя любила! — сказала она вслух и опомнилась.

Таня открыла глаза и увидела себя будто со стороны. Бледная белокурая девица в красном свитере лежит на постели в обнимку с мужским плащом. Вокруг бог знает, что творится, и неизвестно, заперла ли она входную дверь. Но девица лежит и с упоением предается горю. И конца этому не видно.

— Господи... — уже тише пробормотала она и аккуратно отложила плащ в сторону. Прошла в прихожую. Так и есть, дверь открыта. Не настезь, но все же... Таня щелкнула замками — одним, другим, третьим... Повернулась в угол, чтобы взять сумку и отнести ее на кухню.

Сумки на нужном месте не оказалось. Таня на миг остановилась, потом сказала себе, что доигралась: сперва отказывают нервы, потом — память. Значит, она уже отнесла сумку на кухню? И тут она почувствовала, что из кухни тянет сигаретным дымом. Она прикусила губу, сердце сделало несколько лишних ударов. Дым его сигарет. Негромкий скрип паркета — он сделал шаг. Повернулась ручка окна, тихо скрипнула рама... Она знала, что сейчас упадет в обморок. Мир стремительно выцветал в ее глазах, все звуки доносились, как сквозь вату... Но она все же сделала несколько шагов и увидела его спину. Он стоял у окна в своей излюбленной позе — одна рука в кармане брюк, в другой зажата сигарета. Светлые волосы блестели на солнце. Он слегка покачивался с пятки на носок и обратно — как всегда, когда задумается. Таня вскрикнула и увидела, как он обернулся.

АННА МАЛЫШЕВА

— Татка, Татка, так нельзя... — Ее слегка хлопали по щекам, потом к ее губам приник край стакана. — Выпей, открой рот!

Она слабо всхлипнула и сделала глоток. Что это было — виски или коньяк — Таня не различила. Но сейчас предпочла бы воду. Теперь она понимала все, кроме одного — как могла быть такой дурой?! Такой доверчивой идиоткой?! Или это просто начало безумия? Перед нею маячило лицо, которое она знала так же хорошо, как лицо покойного мужа. Не узнать деверя со спины — какой идиотизм...

— Славка, — шепнула она. — Ты что — больной? Почему ты там притаился?

— Я думал, ты спишь, — смущенно пояснил парень. И снова поднес ей стакан: — Давай выпей, и я тебе еще налью.

— Не надо!

Она самостоятельно села, пригладила волосы, поправила юбку. Славка в раздумье посмотрел на стакан и допил его сам.

— Ты же за рулем, — машинально напомнила Таня.

Тот отмахнулся:

— Никому сегодня дела нет. Татка, ей-богу, я не хотел тебя пугать. Но я подошел — дверь открыта. Заглянул — ты вроде спишь. Я решил на кухне подождать. Только сумку разобрал. Там курица, могла протухнуть.

Девушка отвела взгляд. Иногда он так напоминал Стаса, что снова хотелось выть. Эти бесцветные ресницы, пшеничные брови, серые ясные глаза, веселые и подозрительно честные, какие бывают у положительных героев в кино... Ей вспомнилось, что на поминках она мгновенно напилась и, похоже, перепутала Славку с покойным мужем. Обнимала его, целовала и вела себя так, что в конце концов ее увели в другую комнату и уложили

ВКУС УБИЙСТВА

спать. Воспоминание было смутное и оставляло жгучее чувство стыда. Но Славке, казалось, все было нипочем. Он хлопал ее по плечу и бормотал:

— Успокойся, надо отвлекаться... Так и с ума сойти недолго... Почему ты дверь не запираешь, а? Заходи, кто хочет? Или ждешь кого-то?

— Сейчас я чайник поставлю.

Тане наконец удалось встать. Все эти дни ей хотелось, чтобы хоть кто-нибудь пришел ее навестить. Но никого не было. Теперь-то она понимала почему — у всех внезапно появились другие проблемы. Но вот сейчас о ней вспомнили — а она не ощутила никакой радости. Напротив — ей вдруг захотелось остаться в одиночестве. О чем говорить со Славкой? О Стасе? Это будет невыносимо. А о чем еще?

Но оказалось, что Славка отлично знал, на какую тему можно побеседовать. Он последовал за ней на кухню и там, чиркнув зажигалкой, рассудительно сказал:

— Я хотел спросить, что ты собираешься делать со страховкой?

— Прости? — Таня повернулась, и бросила на него косой взгляд. Ей показалось, что она ослышалась.

Но Славка все так же рассудительно, с расстановкой разъяснил, что его брат был застрахован от несчастного случая. Так что# Таня собирается делать? Ждать, пока деньги обесценятся?

— Какие деньги? — Она наконец зажгла газовую конфорку под чайником. — Я понятия не имею ни о какой страховке... Славка, ты-то откуда про это знаешь?!

Оказалось, что братья застраховались вместе, в один день, в одной и той же компании. И вот Славка только теперь об этом вспомнил, а до тех пор так забегался...

— Я бы не стал тебя торопить, но именно сейчас деньги так обесцениваются, — смущенно закончил он. —